

Большая подкова

Скаковая жизнь переезжает в Нальчик >> СТР. 15

22 АНТИКВАРИАТ
Дмитрий Налбандян был романтиком в душе

Телепузик недели – Аркадий Мамонтов >> СТР. 17

НГ АНТРАКТ

ПЯТНИЦА 13 ОКТЯБРЯ 2006 ГОДА №29 (178)

ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ. ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Эпатаж – не его чашка чая

Режиссер Дмитрий Черняков мечтает о моцартовской легкости

Независимая газ. - 2006. - 13 окт. - с. 13-14.

Дмитрий Черняков: «Я знаю сам, что у меня получается, а что нет».

Фото Романа Мухаметжанова (ИГ-фото)

Елена Кутловская

Москвич Дмитрий Черняков, окончив в 1993 году Российскую академию театрального искусства (ГИТИС) по специальности режиссура, отправился в провинцию. И стал известен благодаря своим постановкам в Твери, Вильнюсе, Казани, Новосибирске и Самаре. Начиная с 1998 года его стали активно приглашать и в Большой, и в Мариинку, и в берлинский театр Staatsoper.

Ему немногим больше 35 – а у него уже шесть «Золотых масок», премия Станиславского.

Многие его постановки характеризуют словом «скандальный». Хотя честнее было бы назвать его спектакли новаторским прочтением классики. Недавно по поводу «Евгения Онегина», поставленного в Большом Дмитрием Черняковым, резко высказалась Галина Вишневская и даже отказалась праздновать свой юбилей в некогда родном ее театре. Однако Черняков, как всегда, увлеченный работой, не заметил скандала – в тот момент он был в Берлине. Скандал «проскользнул» мимо него...

Многие, почуяв запах славы, едва узнают однокашников или не узнают вовсе и, как прави-

ло, общаются с людьми высокого. Ты же очень демократичен в общении. Это для тебя норма или своего рода эпатаж?

– Ты знаешь, эпатаж – не моя чашка чая. Мне удобно быть демократичным, и не более того.

– Ты боишься критики со стороны великих мастеров сцены?

– Великие от великих отличаются. Я знаю сам, что у меня получается, а что нет. Я достаточно адекватен. Слово «великий» я бы вывел за скобки. Есть какие-то люди, которые вызывают у меня восторг. И если бы я разговаривал с ними, я бы обязательно «пытал» их вопросами о своих спектаклях. Мне их мнение интересно, хотя я не уве-

рен, что воспользовался бы им в своих постановках.

– В студенческие годы тебя можно было встретить и на модном

ление позаимствовать что-то для своих будущих постановок?

– Все мои «культпоходы» не были связаны с тем, что я учился в ГИТИ-

Никаких субординационных конструкций между людьми я не сооружаю – они мешают работать, да и вообще жить

театральном спектакле, и на художественной выставке, и на премьере фильма... Ты такой любознательный или то было стрем-

се. Честно говоря, сейчас я хожу в театр меньше. Может быть, потому, что иллюзий как-то мало осталось. А раньше было много. Но, поверь мне,

делать, что хочется и как хочется. Я стремился к свободе. Хотел преодолеть свои психологические страхи.

НГ-АНТРАКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ
МОСКВА, 101000, ГСП, МЯСНИЦКАЯ, 13.
ТЕЛ. 981-61-54

@ СЕГОДНЯШНИЕ
НОВОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ
НА WWW.NG.RU

13.10.06

16 ЧТО ДЕЛАЮТ АККАУНТМЕНЕДЖЕРЫ

Как в языке появляются новые слова и почему не все из них приживаются

15 МУЖСКИЕ ЗАБАВЫ

Кто сегодня обзаводится лошадьми

21 ВЕНЦЕНОСНЫЙ САМОЗВАНЕЦ

Дмитрий Бергман увидел в опере «Борис Годунов» историю болезни

22 ИТАЛЬЯНЦЫ В МОСКВЕ

Нужна ли нам еще одна антикварная выставка

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ	СТР. 15
ВРЕМЯ И МЕСТО	СТР. 16
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	СТР. 17
ТОЧКА СЪЕМКИ	СТР. 20
АКЦЕНТЫ НЕДЕЛИ	СТР. 21
АНТИКВАРИАТ	СТР. 22
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СТР. 24

Переосмысление иногда серьезный труд развлечения

НГ АНТРАКТ

Приложение к «Независимой газете»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Алла Болодина

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Анна Алексеева, Дмитрий Буткевич, Сергей Варшавчик, Владимир Захарин, Елена Кутловская, Галина Окулова, Светлана Петрикова, Вадим Сайдин, Галина Семенова, Виктория Шохина, Венера Черепина, Вероника Чернышева

КОРРЕКТУРА Елена Невская, Лидия Фильдер,
Ольга Корчагина, Светлана Горшкова,

Валентина Мералюк, Гульнара Мубаракшина

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Маргарита Богачева, Татьяна Васильева,
Галина Боина, Галина Хитрова,
Людмила Нагорнова, Наталья Воронова

ИЛЛЮСТРАЦИИ Михаил Митин,
Ирина Саратова, Екатерина Саратова

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 981-54-02

E-mail: eka@ng.ru

© «Независимая газета», © «НГ АНТРАКТ»

Эпатаж – не его чашка чая

«ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

Я боялся взаимоотношений с людьми, боялся того, как там на меня будут смотреть, не знал, как общаться с труппой. Мне было важно – воспримут ли меня всерьез? Смогу ли я подчинить людей своей творческой воле?

– А как ты сейчас все это переносишь?

– Сейчас я об этом вообще не думаю. – **Бесконечные скандалы и интриги, которые периодически происходят в Большом театре, ты тоже не замечаешь?**

– Меня провидение оберегает. (Улыбается.) Одним словом, с грузом каких-то скандалов, о которых пишут СМИ, я лично не сталкивался. А тогда я боялся этого огромного тверского театра, когда впервые туда ехал. Но все меняется. Например, актеры, с которыми я работал в Твери, были старше меня, я их называл по имени-отчеству, и они меня тоже. А сейчас я со всеми артистами – и в Большом, и в Мариинке – на «ты», равно как и они со мной. Никаких субординационных конструкций между людьми я не сооружаю – они мешают работать, да и вообще жить.

– В одном из интервью ты сказал: «Даже если в своей дневной жизни человек находится в плену самообмана, просыпаясь ночью, он все равно мучится, что несовершенно, что на самом деле он не такой, каким хочет казаться в социуме, что он бездарен. Каждый про себя это знает». Неужели ты считаешь себя бездарным?

– Я не отвечаю, что безумно талантлив. Но я думаю, что такая же пошлость делать смущенный вид, что я очень неуверенный в себе человек. Есть вещи, в которых я железобетонно уверен. Сейчас я уже знаю цену своим удачам и неудачам. Есть то, что у меня получается, и я об этом знаю. А есть то, что я делать не умею, потому что во мне чего-то не хватает.

– Например?

– Ну, например, не хватает того, чем я обладал много лет назад. Тогда я был человеком, полным иллюзий по отношению к моему делу, да и вообще ко всему, что творится в мире. Пришедшая ко мне трезвость мешает постичь какие-то вещи. Бывают ситуации, когда я понимаю, что недостаточно проницателен или, может быть, недостаточно умен. Но я развиваюсь, и это развитие не столько связано с приобретением интеллектуального багажа. Оно скорее связано с более глубоким постижением жизни... Мне все вообще нелегко дается. Кто-то работает, не замечая потраченных усилий, а я работаю тяжело. И есть такие моменты, когда я испытываю даже страх перед жизнью – видимо, это слабость воли. И я капитулирую, говоря себе: «Бросаю все». Я мечтаю о какой-то моцартовской легкости, очень хочу все делать с упорным вдохновением, без мучительных сдвигов внутри. Но обрести эту легкость пока не удается.

– Насколько важна для тебя красивая картинка на сцене.

– В русском зрителе потребность в красивой картинке, в шике – наверное, это византийская традиция – гораздо сильнее, чем в зрителе из протестант-

ской Германии. Для них минимализм, скупость деталей и является невероятной красотой – им нужен особый «воздух», созданный точностью рисунка и немногословностью образа. Для России такая нарочитая скудность недостаточна.

Что касается меня лично, то я стараюсь избегать византийского шика. Думать о том, чтобы картинка была решена со вкусом, чтобы в ней была необыкновенная визуальная выразительность, – это вторично. В таком переполненном жанре, как, например, опера, важно избежать визуальной гиперактивности, потому что в ней есть какая-то фальшь. Происходящее на сцене должно, с моей точки зрения, иметь непосредственное отношение к жизни зрителя, к его страстям, страхам, к его молодости, к его старости, к тому, что происходит на территории его страны.

И я хочу, чтобы зритель не воспринимал мой спектакль как ухоженное, декоративное зрелище. Театральный спектакль не должен быть «фоном», он должен быть таким же, как любии-

случайных фраз. Чтобы все было качественно спрессовано. И, как мне кажется, «Онегин» из всех моих спектаклей больше всего отвечает этим требованиям. Я все свои спектакли, даже не премьерные, смотрю, стоя в проходе. Мне важно почувствовать то, что чувствует зритель. И во многих постановках я замечаю очевидные постановочные пробелы. В «Онегине» их меньше всего.

– Ты как-то сказал, что в опере прав не артист, а композитор. Но если так, то и режиссер не прав?

– Почему? Нет какой-то одной правды: правды Чайковского или правды Чернякова. В моем случае я прислушивался и очень тщательно разбирался в партитуре. И точно следовал за ней. Я изменил в спектакле только одно слово. Во время дуэли Зарецкий не говорит дуэлянтам «Теперь сходите», потому что эта дуэль происходит публично, чего в традициях XIX века не было. Зарецкий говорит «Теперь входите», обращаясь ко всем, кто стоит за дверями и ждет трагического разрешения этого скандала. Все ос-

В русском зрителе потребность в красивой картинке, в шике гораздо сильнее, чем в зрителе из протестантской Германии

мые книги, которые держишь под подушкой. Настоящий театр не связан с декоративностью.

– Разве жизнь не фальшива насковозь и разве мы не пытаемся уйти от бытовой фальши в мир театральных грёз? И чем они декоративнее – тем лучше, ведь мы идем в театр, чтобы отдохнуть от жизненных проблем.

– Жизнь каждый воспринимает по-своему. Я стараюсь даже в самом убогом ее проявлении увидеть красоту. Я не стал бы говорить, что жизнь фальшива насковозь. Фальшь – всего лишь какая-то часть жизни. Естественная ее часть. И за этой фальшью стоит еще что-то, какая-то подлинность, может быть ужасная. Жизнь разная и многослойная. Фальшивая в ней бывает только оболочка. Есть люди, которые на этой оболочке постоянно сосредоточены, а я на нее вообще внимания не обращаю. Знаешь, я вдруг подумал: может быть, я говорю с позиции человека, который совершенно не понимает, что такое реальная жизнь? Может быть, жизнь, о которой я говорю в спектаклях, – я тоже сочинил? Вдруг то, что я делаю, – сплошная фальшь?! Но если это так, я знаю, зачем сочиняю себе жизнь: боюсь узнать, какая же она на самом деле.

– Как ты оцениваешь свой последний спектакль «Евгений Онегин» в Большом?

– Я счастлив, что этот спектакль был в моей жизни. У меня всегда была навязчивая одержимость доводить то, что делаю, до кристальной точности. Чтобы все было филигранно, выпукло и доведено до конца. Чтобы не было

тальное вытекает из произведения, поэтому здесь нет какой-то моей противостоящей правоты по отношению к Чайковскому. И когда кто-то говорит, что это не соответствует музыке, – мне просто смешно. Это раз. И два. Пушкин в данном случае не имеет значения. Опера «Евгений Онегин» основана на отдельных сюжетных мотивах произведения Пушкина, которые Чайковский выбрал для своего произведения. Это не музыкальная иллюстрация к роману, а отдельное сочинение.

– Это мелодрама или искреннее высказывание Чайковского?

– Я всегда замечал, что именно у Чайковского, даже в его великих симфониях, есть какая-то двойственность. С одной стороны, всегда заложена сильная душевная боль. А с другой – это часто звучит как избыточная мелодраматичность, даже иногда со вкусовыми проблемами. Все зависит от качества и серьезности исполнения. Да, некоторые видят в «Евгении Онегине» мелодраму. Но я был уверен, что Чайковский мог бы сказать об этой опере то же, что сказал Флорбер о своей героине мадам Бовари. Помните? «Мадам Бовари – это я». Чайковский написал очень неврастеничную оперу, страшную историю об одиночестве. И я в данном случае понимаю, насколько важна для него эта опера.

– Все твои постановки, включая «Евгения Онегина», критики называют скандальными.

– Ну да, и сколько бы меня ни успокаивали, что скандалы укрепляют рейтинг спектакля, – я большого восторга от этого не испытываю.

Всережиссер
смысло